

Петров Игорь Георгиевич

РИТУАЛ ОПОВЕЩЕНИЯ О НЕВИННОСТИ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

Цель настоящей статьи - показать обычаи и обряды, связанные с публичным оповещением о невинности невесты в традиционной чувашской свадьбе. В этой связи рассматриваются народные представления о целомудрии, типичные способы освидетельствования невинности, утвердившиеся в свадебном ритуале. Автор приходит к выводу, что данный ритуал способствовал соблюдению моральных устоев и норм добропорядочности в сельском обществе и, как одна из норм обычного права, выполнял важную социорегулирующую функцию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 114-117. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

развитие (подр. см.: [11, с. 269-281]). На уровне стилистики музыкальных форм мы выявили темпоральные парадигмы – исторические целостности, в которых как в *musica corporis* репрезентируется социальная реальность, устанавливаются свои уникальные отношения со временем, фиксируемые тканью и материей музыкальной партитуры. Перечислим их: полифоническая (XI-XIV вв.), гомофонно-гармоническая (XVII-XVIII вв.), психолого-романтическая (XIX – нач. XX в.), экзистенциальная (XX-XXI вв.) (подр. см.: [9]).

Итак, вышеперечисленные музыкально-темпоральные целостности содержат в себе типологии времени, не сводимые одна к другой. Внутри сложного переплетения субъективных, объективных, художественных и социокультурных факторов выплывает формула конкретной эпохи, ее культурная парадигма. В таком художественно-перцептуальном, квазивременном порядке реализуются всеобщие условия чувствования как определенные типы отображения мира в сфере музыкального.

Список литературы

1. Барт Р. Третий смысл. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 104 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс-Ц, 1998. 384 с.
3. Гурвич А. Порядки существования / пер. с англ. А. Корбуа // Социология власти. М.: Редакция журнала «Социология власти», 2014. № 1. С. 129-162.
4. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собрание сочинений / общ. ред. и вступ. ст. В. И. Молчанова. М.: РИГ «Логос»; Гнозис, 1994. 192 с.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995. 298 с.
6. Конев В. А. Время как материя социокультурной действительности [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры (International Journal of Cultural Research). 2012. № 4 (9). URL: http://www.intelros.ru/pdf/isl_kult/2012_04/11.pdf (дата обращения: 16.05.2016).
7. Круглов А. Н. Трансценденталистская интерпретация музыки // Альтернативные миры знания. СПб.: РХГИ, 2000. С. 102-143.
8. Лосев А. Ф. Основной вопрос философии музыки // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 315-335.
9. Петина М. А. Онтология музыкального: наброски к темпоралистской философии // Аспирантский вестник Поволжья. 2014. № 3-4. С. 38-41.
10. Руднев В. П. Морфология реальности: исследования по «философии текста». М.: Гнозис, 1996. 207 с.
11. Чердниченко Т. Музыкальный запас. 70-е. Проблемы. Портреты. Случаи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

MUSICAL FIGURES OF AN EPOCH AS DISCURSIVE FORMS OF SOCIAL REALITY

Petina Marina Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Samara State Technical University
shloss@yandex.ru

The article considers the role of music while forming perceptive, cognitive, ethical connotations and discourses for human ontological and socio-cultural orientations. The author introduces the methodology of communicative interaction, analyzes the interpretations of music as a sign structure and text, describes the temporal characteristics of time as the *musica corporis* of social reality, provides a conceptual analysis of music in the context of an epoch, identifies temporal paradigms in music.

Key words and phrases: time; music; discourse; temporality; perception; cognitivism; ethical; duration; formation; chronotope.

УДК 392.5

Исторические науки и археология

Цель настоящей статьи – показать обычаи и обряды, связанные с публичным оповещением о невинности невесты в традиционной чувашской свадьбе. В этой связи рассматриваются народные представления о целомудрии, типичные способы освидетельствования невинности, утвердившиеся в свадебном ритуале. Автор приходит к выводу, что данный ритуал способствовал соблюдению моральных устоев и норм добропорядочности в сельском обществе и, как одна из норм обычного права, выполнял важную социорегулирующую функцию.

Ключевые слова и фразы: этнография; народы Урало-Поволжья; чуваш; брак и бракосочетание; свадебные обычаи и обряды.

Петров Игорь Георгиевич, к.и.н., с.н.с.
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
ipetrov62@yandex.ru

РИТУАЛ ОПОВЕЩЕНИЯ О НЕВИННОСТИ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

В чувашской деревне, где патриархальные устои были достаточно сильными, традиционная мораль большое значение приписывала сохранению добрачной девственности. Особенно это касалось девушек, достигших

совершеннолетия. Потеря девственности и рождение внебрачного ребенка расценивались как тяжкий грех. Соблюдение этих неписанных правил осуществлялось благодаря контролю со стороны родителей и сельского общества. Уличенные в добрачных связях парень и девушка подвергались общественному осуждению: молодой человек лишался права жениться на другой девушке, а девушка, пойманная на таком грехе, надолго оставалась незамужней, потому что полюбить и взять в жены такую девицу считалось делом постыдным и позорным. Незавидным было положение забеременевшей или родившей ребенка девушки в семье, постольку поскольку это считалось большим позором для рода и семьи. Ее всячески осуждали и ругали, нагружали тяжелыми домашними работами, не пускали в общество. С провинившейся девушкой избегали общаться сверстницы, ее не приглашали на посиделки, не допускали в хороводы и на другие увеселения. За ними, аналогично как за гулящими женщинами, надолго закреплялись уничижительные прозвища: «аскӑн, аскӑнчӑк» (распутница, блудница), «оxxа» (развратница, шлюха), «кӑрт йытти» (гулящая собака, сука) и т.д. Подчеркивая, что своим поступком девушка навлекла на семью несмыслимый позор, родственники постоянно укоряли ее обидными словами: «ят варлать» (имя замарала), «аишиӑпе амӑиӑн ятне пӑх сӑрнӑ» (имя матери и отца измазала фекалиями) [4, с. 401]. В д. Захаркино Абдулинского района Оренбургской области о девушке, забеременевшей вне брака, презрительно отзывались так: «мӑйрака тухнӑ» (рог появился) или «сӑмартине туса кайнӑ» (снесла яйцо). А пензенские чувашки давали такую характеристику: «вузпа каять» (с возом выходит замуж), «мечӑ/арбуз йӑтса каять» (мяч/арбуз проглотив, выходит замуж), «хӑрӑх чӑрнелӑ» (имеющая сорок ногтей) [Там же, с. 400-401]. В целях публичного осуждения оступившейся девушки прибегали также к символическим актам позорящего характера, например, мазали ворота дегтем. Впрочем, в некоторых селениях к добрачным половым отношениям молодежи допускалось более терпимое отношение. Не во всех случаях родившая до брака девушка заслуживала всеобщего презрения. По народным представлениям, такая девушка даже ценилась больше, так как подчеркивала свою способность к продолжению человеческого рода: «Никаких доказательств девственности молодой не предъявляется, да она и не имеет, по видимому, моральной с чувашской точки зрения значения. Не беда, даже если девушка родит до брака, а иногда такая даже предпочитается, как доказавшая свою способность к деторождению» [10, л. 26 об.].

Святость целомудрия невесты подчеркивалась в произведениях чувашского фольклора. В зимний праздник *сурхури* молодые люди, например, пели так:

<i>Сорхори, Сорхори!</i>	Овечий дух, овечий дух!
<i>Сорӑхсам титек туччӑр-и,</i>	Овцы ягнились бы,
<i>Арӑмсам ача туччӑр-и,</i>	Женщины рожали бы детей,
<i>Хӑрсем хӑсӑр полчӑр-и!</i>	Девушки были бы девственны [5, с. 392]!

Если же девушки не соблюдали общепринятых правил, то их всячески высмеивали и пели непристойные песни:

У колеса с двенадцатью спицами
Спицы начали шататься.
У девушек этой деревни
Промежности расширены [12, с. 141; 13, с. 261].

Эти же мотивы имеют место в многочисленных песнях, которые исполнялись дружками жениха на свадьбе:

<i>И, хӑрӑх пус, хӑрӑх пус,</i>	И, сорок копеек, сорок копеек,
<i>Хӑрлӑх тавраш мӑнле-ши?</i>	Сохранилась ли (у невесты) девственность?
<i>Хӑрлӑх тавраш мӑнле-ши,</i>	Сохранилась ли (у невесты) девственность,
<i>Каччӑ савӑнмалла-ши?</i>	Будет ли радоваться жених?
	(ПМА. Васильева; Кононова)

Другим действенным регулятором добрачного поведения молодых на селе были чувашские обрядовые традиции, в особенности свадебные. В чувашской деревне вплоть до середины XIX в. в состав свадебной обрядности обязательно входил обряд публичного освидетельствования порочности или непорочности невесты. Оповещение родни и гостей о том, что сохранила невеста свою девственность или наоборот потеряла, происходило языком символов или путем непосредственной демонстрации брачной простыни или ночной рубашки новобрачной со следами дефлорации.

В источниках XVIII в. (Г. Ф. Миллер, И. Г. Георги и др.) отмечается, что в случае «нечестности» молодой, утратившей девственность до брака, ее родителям и другим родственникам подавали пиво в дырявом сосуде [3, с. 44; 6, с. 76-77; 10, л. 26 об.; 11, с. 13]. У Г. Ф. Миллера об этом сообщается следующее: «Ежели невеста сохранны, то пьют и веселятся весьма много; буде же не сохранны, то дружка взявши чарку, проверчивает на оной диру, и, зажав оную пальцом, из оной гостям подносит: тогда питье, кто оное из гостей примет, из той чарки потечет на пол, и тем приключившееся несчастье каждому явно бывает. Невесте при том так стыдно бывает, что она потом гостям и глаз своих не кажет» [6, с. 77]. В некоторых чувашских селениях подношение родственникам пива в дырявом стакане в виде рудимента сохранилось вплоть до начала XX в. (ПМА. Гаврилова; Иванова).

Еще одним способом оповещения о порочности невесты были действия позорящего характера в отношении ее родственников: «Если же, к несчастью, они найдут молодую не таковую, как об ней думали, то в то же время прорезывают сзади, на исподнем платье свахи круглую большую дыру (это платье носят замужние чувашки на ногах, как и их мужчины); а у сродников молодой перерубают все гужи у лошадиной запряжки, а у телег тяжи и оглобли» [11, с. 13]. Распространенным видом наказания было также надевание на шею одного из родителей невесты хомута [13, с. 263].

Следующим способом оповещения порочности или непорочности невесты, по свидетельству А. Фукс, являлось демонстративное поведение свекра во время угощения гостей свадьбы домашней лапшой (*салма*), приготовленной молодухой. Если сноха оказывалась «нечестной», свекор не притрагивался к еде и распорядился выкинуть ее собакам: «Здесь новобрачная начала у печки месить салму, ей все помогли и салма скоро была готова; ее поставили на стол пред свекром, принесли несколько длинных деревянных рогулек, наподобие вилок и этими рогулками вынимали из чашки салму и ели все с таким благоговением, как небесную амброзию (это знак, что молодая вышла замуж девицей благополучно, а в противном случае свекор велит салму бросить собакам)» [15, с. 68].

Как указывалось выше, о целомудренном поведении девушки до свадьбы могла свидетельствовать простыня или ночная рубашка новобрачной со следами дефлорации. Эти вещи не только старались показать всем присутствующим на свадебном торжестве, но и демонстрировали при этом всеобщее веселье и удал: «Если молодая оказалась невинною, то подружке тотчас же берет *signa* ея *innocentiae*¹, торжественно вносит их в избу и с отчаянным удалством пляшет, показывая эти *signa* всем родным молодого и молодой» [14, с. 38]. Аналогично поступали чувашки Ядринского уезда: «На свадьбах в некоторых местностях в подражание русским свахи выносят в известный день на показ гостям “*signa innocentia*” молодой. Отсутствие их вызывает насмешки над родителями молодой: им подается пиво в ковшичке с дырочкой, зажатой рукой подносящего» [10, л. 26 об.]. У чувашей с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии при благополучном исходе брачной ночи сваха показывала гостям рубашку новобрачной, а родственники жениха приступали к разбиванию глиняных горшков: «Утром сваха свидетельствовала невестину рубашку, затем били горшки и опять пировали» [1, с. 32].

В других традициях после брачной ночи молодая три раза обходила и целовала участников свадьбы, а мужу кланялась и подносила стакан вина. Если молодая до брака была невинной, муж на подносе подносил своему тестю ее ночную рубашку, выпивал вино и с размаху разбивал стакан об пол. В противном случае муж прилюдно надевал на шею тестя хомут [13, с. 263].

Впрочем, бывали ситуации, что о невинности невесты в добрачный период узнавал очень узкий круг людей. Таковыми могли быть снохи, свекровь и другие близкие родственники новобрачной, в основном женщины. Это происходило посредством показа им т.н. платка невинности «*хёрлэх тутәрё*» со следами крови. Этот платок вручали невесте непосредственно перед брачной ночью старшие сестры или снохи [9, л. 117-118]. В такой ситуации факт «честности» или порочности молодой оставался в строжайшей тайне: «Нецеломудрие невесты является предметом знания только свахи. Обличительным средством целомудрия или нецеломудрия является *хёрлэх тутәрё*, который невеста готовится заранее и осматривает только сваха» [7, л. 171]. Аналогичные сведения содержатся в другом источнике: «Свою невинность молодуха открывает своей матери через сноху, которая была на свадьбе и с которой посылает платок, свидетельствующий, что она была невинна и что теперь только со своим мужем потеряла невинность. Платок этот называется *хёрлэх тутәрё*» [Там же].

В то же время источники показывают, что порой допускались акты публичной демонстрации платка невинности: «Платок есть гордость для родственников невесты, а потому они часто пляшут, развеивая платок в воздухе» [8, л. 357-358]. Особую радость родственники невесты показывали тогда, когда на платке девственности имелись следы крови [9, л. 118].

Таким образом, невинность и целомудрие входили в число важнейших характеристик, свидетельствующих о добропорядочности молодых людей, достигших совершеннолетия. Однако, согласно традиционным моральным устоям, более строгие требования предъявлялись девушкам как будущим хранителям домашнего очага и матерям будущих детей. Добрачного целомудрия в чувашском селе добивались как соблюдением норм морали, так и родительским контролем и силой общественного мнения [2, с. 121]. Другим действенным рычагом контроля добрачного поведения молодых людей являлись чувашские обрядовые традиции, в особенности свадебные. Потому что в традиционной свадебной обрядности чувашей вплоть до второй половины XIX – начала XX века строго соблюдался постельный обряд или обряд первой брачной ночи, в структуре которого важное место занимал обряд публичного освидетельствования и оповещения о невинности или порочности невесты. Соблюдение этого обряда не только поддерживало моральные устои и нормы добропорядочности в сельском обществе, но и являлось залогом семейного счастья и крепости семейных уз.

Список литературы

1. Акимова Т. М. Чувашки с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии. Старое и новое. Духовная культура // Труды Нижне-Волжского областного научного общества. Саратов, 1926. Вып. 34. Ч. 4. Этнографический сборник. С. 23-35.
2. Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2015. 192 с.
3. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / пер. с нем. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1799. 76 с.
4. Егорова О. В. Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX в.: традиционная родительная обрядность и социализация ребенка: дисс. ... д.и.н. Чебоксары, 2010. 538 с.
5. Комиссаров Г. И. Чувашки Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1911. Т. 27. Вып. 5. С. 311-432.
6. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш, вотяков... СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1791. 101 с.

¹ *Signo innocentia* – с лат. «знак, признак невинности».

7. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 174.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215.
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332.
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 572.
11. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. В. К. Магницкого. Казань: Тип. губ. правления, 1888. 35 с.
12. Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с.
13. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
14. Сбоев В. А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
15. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Имп. Казан. ун-т, 1840. 329 с.

Полевые материалы автора

1. Васильева Юлия Васильевна, 1939 г.р., д. Кистенли-Богданово Бижбулякского района Республики Башкортостан, записи 2002 г.
2. Гаврилова Татьяна Захаровна, 1916 г.р., с. Суккулово Ермекеевского района Республики Башкортостан, записи 1994 г.
3. Иванова Софья Павловна, 1925 г.р., с. Средние Карамалы Ермекеевского района Республики Башкортостан, записи 1994 г.
4. Кононова Валентина Витальевна, 1954 г.р., д. Кистенли-Богданово Бижбулякского района Республики Башкортостан, записи 2002 г.

**RITUAL OF NOTIFICATION OF THE BRIDE'S INNOCENCE
IN WEDDING CEREMONIAL RITES OF THE CHUVASH PEOPLE**

Petrov Igor' Georgievich, Ph. D. in History, Senior Staff Scientist
R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences
ipetrov62@yandex.ru

The purpose of the article is to show the customs and rituals associated with the public notification of the innocence of the bride in traditional Chuvash wedding. In this regard, the folk ideas of chastity and the typical ways of innocence examination established in the wedding ritual are considered. The author concludes that this ritual favored the observance of moral principles and virtue standards in the rural society and as one of the customary law norms performed an important social regulative function.

Key words and phrases: ethnography; peoples of the Ural-Volga region; the Chuvash people; marriage and wedding; wedding customs and rituals.

УДК 75.054

Искусствоведение

Статья посвящена вопросам использования аудиовизуальных технологий в интересах развития теории и практики современного постановочного процесса. Работа содержит сведения о внедрении в постановочный процесс и в сценографию комплекса современных технологий, позволяющих создать режиссерский художественный язык. Аудиовизуализация в современных постановочных решениях рассматривается как выразительное средство влияния на зрительское восприятие.

Ключевые слова и фразы: современный театр; сценография; режиссура; информационные технологии; праздничная культура.

Петрова Элеонора Александровна
Астафьева Татьяна Владимировна, к. искусствоведения
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
as.alanka@mail.ru; tastafieva7@rambler.ru

**АУДИОВИЗУАЛИЗАЦИЯ РЕЖИССЕРСКОЙ ИДЕИ
КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЗРЕЛИЩА**

В современном художественном пространстве процесс развития информационных (мультимедийных, проекционных, аудиовизуальных) технологий происходит так динамично, что их возможности, востребованные многими видами художественного творчества, становятся безграничными. Начиная со второй половины XX века, у режиссеров появились технологии, позволяющие управлять новой сценографией (динамическая проекция, коллажирование, световая и цветовая партитура, воспроизведение любых звуков и многое другое). Аудиовизуализация стала востребованным способом коммуникации с массовой аудиторией, средством распространения информации. Применение аудиовизуализации в науке и образовании, в медицине и в быту, в искусстве и культуре, в военной и мирной технике, в мореплавании, авиации и космонавтике свидетельствует